

Родился в городе Ленинакан (ныне Гюмри) Армянской ССР. Учился в Ростовском университете, окончил отделение художественного перевода Литературного института им. Горького (1990). Преподавал в школе, в Христианском гуманитарном лицее. С 1992 года жил во Франции, был литературным обозревателем газеты «Русская мысль». Автор книг стихов: «Селект» (Париж: Industria, 1997). Печатал стихи в журналах «Новая Юность» (№ 17, 1996), «Стетоскоп» (№ 17, 1997). Сотрудничал как критик и эссеист с еженедельником «Русская мысль». Посмертно издана книга «Случай Орфея. Стихи, эссе, рецензии, дневники» (СПб, изд. журнала «Звезда», 2000). Автор многочисленных критических и публицистических статей, эссе, переводов из армянской поэзии. Был сбит машиной в Петербурге, куда вынужден был выехать для продления французской визы.

С ИМЕНЕМ КОЛКИМ РОССИЯ

ЯЗЫК

Не искушай чужих наречий, но постарайся их забыть...

О. Мандельштам

Вначале труднейшие звуки
Даются легко, но затем

Твои опускаются руки,
И ты остаешься ни с чем.

Уходишь с пустыми руками,
Набивши немотою рот.
Постылая музыка камня
Фальшивые ноты берет.

Пустяк. Ведь не всяким же словом,
Их уст исходящим, я жив,
Но хлебом единым и новым
Вином из гамейской лозы.

Ты встанешь на крик петушиный,
На клёкот на галльский, на рык
Гортанный — на рынок блошиный,
На птичий, мой птичий язык!

Я нем, оттого что не знаю,
На чьём языке говорю,
И чьё исповедую знамя,
На чьём пепелище горю.

Но если всё дело в гортани,
Что ж, праздную победу, Париж.
Молчу, шепелявый, картавый,
И ты, златоустый, молчишь.

Как заика, пытаюсь сказать неказистое слово.
Это осень — виновница бед, приводящих к зиме.
Что-то с миром случилось. Чудной, виноватый, беззлобный,
И боится, как грешный малыш, коридоров во тьме.

Всё чего-то стыдится, лукаво добреет, как будто
Нашалил и разбил, и осколки пугливо собрал,
Всё мучительней ждёт, всё, взрослея, считает минуты,
Ибо знает — простят, нужно только умело соврать.

Что за вязкая чушь, отчеканенной речи подсудна,
Что язык заплетается в сетях и нитях волос?
Не о том я писал, но в душе безотчётно, подспудно
Это чувство сиротства в мальчишке и мире слилось.

Так под осень всегда. Словно все разошлись или поздно
Возвращаются в дом, где невидимый кто-то забыт.
Так под осень всегда проливаются строки и слёзы.
Так под осень всегда, мой угрюмец. Не помни обид.

Ноябрь 1985

ПРОЩАНИЕ С РОССИЕЙ

Моим дочерям

Не осталось во мне ни следа от тропической неги.
Забываю, как солнце душисто и камень горяч.
Ничего, кроме тёмного льда и солёного снега,
Из которого дочь моя лепит — кулич или калач?

Мне любая разлука, любая разлука посильна
(Оттого, что надеюсь на более пёстрые сны)
Даже с братом родным, даже с именем колким Россия,
Даже с тем, что в цене, даже с тем, чему нету цены.

Что там ни говори, а гнездовье всегда есть гнездовье,
На своей ли земле, на чужой ли — не всё ли равно?
Но, покрытая телом твоим и политая кровью,
Возвратится к тебе через годы как хлеб и вино.

Ах, я знаю тебя, я, почти что на треть обрусевший,
Да, я вижу тебя, удалая империя зла,
Ты, пекарня и бойня, где кровь не бывает несвежей,
От ножа отвела и от чёрного глаза спасла.

Начало 1990-х

* * *

Не молчи. Окруженье моё как один молчуны.
Я дожидаться не смог ни единого звука в ответ.
Отзвонили звонки. Отсвистели своё свистуны.
Отшумели шумы. Отвертелся сентябрьский ветер.

Не молчи. Будто пойман врасплох провинившийся свет,
Попритих, в оправданье своё ничего не найдя.
Будто умысел чей или Господом данный завет
Эту тишь породил, эту радугу после дождя.

Не молчи. Это сладкая вещь — предаваться словам.
Не молчи, говори, говори, нарушая запрет.
Не молчи. Я согласен со всем, ты как прежде права.
Не молчи. Я полжизни искал этих райских бесед.

БАБУШКА

Ты спряталась в пшенице. Я один
Средь скал отвесных и седых вершин.
Ну а точней, холмов в 120 м,
Тень от которых обращалась в темь.
Ты спряталась. Мне было восемь лет.
Тьма в пять минут преображалась в свет,
Что лился профилактикой от гриппа
Вниз, на посёлок городского типа.

Твоей то было, бабушка, игрой
С моим испугом и моей горой,
С моею поздней и картавой речью, —
Где все ж неведом Киркегардов страх,
И где берут и носят на руках,
И льют мацун на выжженные плечи.

Все это были горние дары
Родства по крови противу жары
И заговором старческим от хлада.
Когда тряслась ты в энных лет пальто
В декабрьском замороженном авто,
Пред тем, как город затрясёт как надо.

Не потому я плачу, что трясло
Наш городок по первое число,
Ну а точнее, под число седьмое.
А оттого, что трещина легла
Меж тем, где детство, и меж тем, где мгла,
Меж тем, где я один — и мы с тобою.

ИЗ ЦИКЛА

«НА СМЕРТЬ ИОСИФА БРОДСКОГО» (III)

Он лежал без движенья, у двери, ничком и в очках.
Друзья говорят, не ложился, мол, ночью работал.
С лицом не Орфея, а больше еврея-врача
Он лежал, о движенье нимало уже не заботясь.

Не Орфей двуязыкий, не Нобель, а больше Эней,
Сердцеед-основатель, а если точнее, Вергилий,
Гид по мёртвому царству, по дольному царству теней,
Тех, что в зимнем Стокгольме его, говорят, окружили.

Хорошо египтянам, у них все идёшь и идёшь,
И у жизни и смерти у них ни конца, ни предела.
Все, что нужно для жизни и смерти, с собою берёшь, —
Нессесер, словари и перо, чтобы темень редела.

31 января — 2 февраля 1996

* * *

Всё, что я напишу, пусть окажется сном и обманом.
Повторяю все чаще и чаще: усни, обмани!
Запылились в углу и усохли мои ватерманы,
Даже этих стихов, я боюсь, не dokonчат они.

Как сундук на свету, расколдованы страхи и тайны.
Потянулись на свет, на старьёвщиков милость сданы,
Предались безъязыким мутантам и нежным путанам.
Что мне их безъязыкость и нежность, о, что мне до них!

Эти мысли меня осеняли дорогою в Канны,
Там, где море, как старая скатерть на дачном столе,
То сомнётся в кулак, то расправится, в воду не канет
То, что глубже воды и дождливейшей ночи старей.

То, что нас разделяет с тобой вороватою далью,
Этот атлас намокший и смытые пятна на нём.
То, что нас разделяет, разделит меня и подавно
С этим морем, и с этою жизнью, и с этим дождём.

14 мая 1994

* * *

Я с теми, кто бросил землю,
Кто кушает хлеб чужбины,
Макая по пальцы в зелье
Кофейное вместе с винным.

Кто взгляда назад не бросит
Из страха пред тем, кто в спину
Глядит, ни о чём не просит
Заблядовавшего сына.

Две стороны — чёт и нечет —
У улиц, пройди любую:
Затрахаёт, искалечит
Враждою, затем любовью

Париж этот светоносный,
Бодлерова полный сплину,
Чумы, тошноты, поноса
И муз остальных причина.

Пять камешков с Пер-Лашеза
Я выбрал: Мольер, Россини,
Шопен, Абеляр — Элоиза
И пятый, — о ком просили.

Оттуда, где глас «одная»
Доносится как «мы оба»...
Звучит как земля родная,
Стучится о крышку гроба.

Февраль 1996